

НЕ БОГ, НЕ ЦАРЬ И НЕ ГЕРОЙ

Я. И. ТРЯПИЦЫН — «АНАРХИСТ-ИНДИВИДУАЛИСТ»

Элеонора Тихоновна БОНДАРЕВА,
журналистка

ПРИГОВОР.

«1920 года, июля 9 дня.

Народный суд, сформированный по предложению Временного Революционного штаба Красной Армии Николаевского округа из представителей от воинских частей гарнизона и трудящегося населения села Керби, содеянные преступления, повлекшие за собой смерть около половины населения Сахалинской области, разорившие весь край, постоянно подрывавшие доверие к коммунистическому строю среди трудового населения области и могущие нанести удар авторитету Советской власти в глазах трудящихся всего мира, признал Тряпицына, Лебедеву, Харьковского, Железина, Оцевилли, Сасова и Трубчанинова виновными и на основании велеия своей совести постановил подвергнуть смертной казни через расстреляние».

Приговор был приведен в исполнение в тот же день — 9 июля в 10 часов 45 минут вечера.

В очерке собственного корреспондента газеты «Труд» И. Красикова рассказывается о последних минутах Тряпицына: «Упав после залпа, уже смертельно раненный, он повернул голову к рухнувшей рядом Нине Лебедевой: «Нина, ты жива?» И, услышав ответный стон, успел сказать: «Тебя мне только и жаль».

«Руководивший расстрелом партизан добил своего командира из нагана — революция не знала снисхождения ни к врагам, ни к бывшим своим кумирам, коим вдруг изменило военное или политическое счастье», — пишет далее Красиков, не скрывая сочувствия к казненному. Однако забудем пока о предсмертной фразе Тряпицына: мы еще только в самом начале повествования о нем.

Источников о Тряпицыне и иже с ним у нас немного: книга владивостокского журналиста В. Эча «Исчезнувший город», датированная 1920 г., записки участника событий тех лет Константина Емельянова «Люди в аду» (год издания 1942), упомянутый здесь очерк И. Красикова из газеты «Труд» 90-х годов. Красиков, правда, ссылается еще на архивные документы и высказывания писателей. Подробнее других пишет о Тряпицыне Константин Емельянов. Его информация почти исчерпывающая. Юрист Емельянов сумел не только логически стройно отразить события, но и дать им оценку. Зато в книге Эча, ксерокопированной Амиром Хисамутдиновым в американкой библиотеке, есть снимок членов штаба Тряпицына во главе с ним самим. На нечеткой фотографии выделяется черноусый и черноволосый Яков Тряпицын, эдакий ухарь-молодец, хотя и раненый. Хорошо видны Нина Лебедева, чем-то похожая на Лилю Брик, Железин с объемной ухмылкой, лоценький, в сапогах с лакирован-

ными голенищами и весь из себя бравый вояка Комаров. Сидят все они вроде бы на зачехленных стульях, а под ногами — ковер.

Красиков — о Тряпицыне: «Самому командиру в то время едва минуло 23 года. Крепкий, рослый, он выглядел старше своих лет». Действительно, на фото он кажется старше своих соратников. Причастие к судьбоносным событиям, видимо, ведет к раннему возмужанию.

Яков Тряпицын был сыном кустаря-одиночки, пишут одни. Происходил из рабочей семьи, пишут другие. Участвовал в первой мировой, где и был ранен в ногу, сообщает в своем «Хромом диктаторе» Красиков. Хромым до 1919 г., Яков Иванович не был, получил ранение в Николаевске, заверяет Емельянов. Тряпицынские перемещения по стране: работал на одном из петроградских заводов, затем в Самаре, оттуда выехал в Иркутск, где был арестован, каким-то образом бежал из тюрьмы, попал в Хабаровск, очутился в Сучане, снова попал в Хабаровск.

«Будучи необыкновенно хитрым и изворотливым, — пишет Эч о Тряпицыне, — умея вовремя бросить на разгоряченные головы опьяняющие лозунги диктатуры пролетариата, он запросто уходил от опасности и легко обзаводился сторонниками. Чувствуется, что Эч Тряпицына от души ненавидит. Емельянов в своих оценках поспокойнее: «Тряпицын, судя по его деятельности в Малмыже, по пути к Николаевску и в самом Николаевске, — человек сильной воли, обладающий решимостью до дерзости, хорошо знающий психологию масс и невежественной части населения, не разбирающийся в средствах для достижения своих целей. Образование его, по всей вероятности, не выше начального училища, что видно из составленных им телеграмм и почерка. Телеграммы его не связаны в стилистическом отношении и написаны с грубыми ошибками».

Тряпицын называл себя анархистом-индивидуалистом. И когда 29 февраля 1920 г. красные вошли в город со стороны Амура, впереди колонны верхом на коне ехал Тряпицын с черным бантом, указывавшим на его принадлежность к партии анархистов.

Это вроде бы парадоксальное словосочетание «анархист-коммунист» в 20-е годы никому не резало слух. Обе партии в представлении масс были тождественны друг другу. В Приморье, в частности, выходили листовки и газеты, подписанные анархистами. Однако, если не вникать в несущественные детали, то можно сказать, что Яков Тряпицын, несмотря на свой партийный черный бант, действовал по-большевистски.

Емельянов: «Часа в 2—3 утра на 12 марта японцы окружили дом, где помещался штаб, сняли часовых и открыли пулеметный огонь. Тряпицын был дважды ранен в ногу. Его перенесли в дом Кунаста, где ему была оказана медицинская помощь».

В штабе Тряпицына самой яркой фигурой после «батьки» была, несомненно, Нина Лебедева-Кияшко, не то любовница диктатора, не то жена... В публикациях члены штаба упоминаются по фамилиям, она же чаще всего — просто Нина.

Эч о ней пишет: «По городу Нина Лебедева ходила вооруженная с головы до ног. Она разъезжала верхом на лошади, одетая в шевроный костюм вишневого цвета с двумя револьверами за поясом и карабином за спиной. А за ней также верхами всегда ехали два-три партизана в качестве телохранителей».

Ниной Лебедевой был издан декрет о социализации женщин. Согласно ему, всякий партизан получал из штаба мандат на право получения женщины. С такими мандатами партизаны врываются в дома и уводят оттуда жен, матерей и девушек. Отказ подчиниться мандату был равносителен смертному приговору».

Об этом декрете упоминает и Красиков в своей очерке, ссылаясь на показания очевидцев. У Емельянова в записках выясняется происхождение вишневого костюма Нины: наряд был из числа вещей, реквизируемых у «недоре-

занных буржуев» вместе с другими дамскими туалетами и украшениями. Не брезговала Нина и вечерними платьями с плеча ограбленных аристократок.

Емельянов сообщает: «Нина Лебедева-Кияшко — женщина 20—25, брюнетка среднего роста, средней полноты, еврейского вида, употребляющая косметику, походка ее несколько вразвалку. При обращении с людьми у нее резко сказывается отсутствие выдержки и хладнокровия. Танцевать вальс выучилась в Николаевске. В других танцах на устраиваемых в Николаевске вечерах участия не принимала».

Будучи не лишеной культурных запросов Нина учредила в захваченном городе своего рода местный пролеткульт, вменив посещение вечеров танцев и спектаклей своим соратникам и соратницам в обременительную обязанность. При нравственном уровне участников эти мероприятия превращались в разогретые спиртным сексуальные оргии.

Как свидетельствует Емельянов, имелись у Нины и похвальные качества: отличалась «быстротой принятия решений и сильной волей. Свои ошибки признавала и поддавалась логически обоснованному доводу. Она оказывала довольно сильное влияние на Тряпицына в смысле смягчения его решений, продиктованных дикостью его природы и свойственной ему грубостью».

Нина Лебедева оказалась на ответственном посту в красном штабе, потому что была грамотна, возможно, имела высшее образование. «Доклады, требующие письменного изложения, логического обоснования, информации, посылаемые письма «всем, всем, всем» написаны рукой Нины Лебедевой-Кияшко. Ей же «принадлежала организация различных учреждений военно-практического характера».

Персоналии прочих штабистов (их в общей сложности человек 10) разбросаны по источникам применительно к событиям. В частности, один из списка расстрелянных, председатель реквизиционной комиссии Ефим Сасов, по словам Емельянова, «представлял из себя малограмотного, очень грубого в обращении человека. Не зная, как приступить к делу, он делал это так, как делал бы каждый безграмотный человек... Реквизиционная комиссия не знала ни описей, ни списков, никаких отметок на отобранных вещах не делалось». Драгоценности «буржуев» «прилипали» к рукам Сасова...»

Перед расстрелом Тряпицына Николаевск-на-Амуре не знал ни катаклизмов, ни бурь. Его интернациональное 20-тысячное население — русские поселенцы и члены польской, немецкой, корейской, китайской и японской общин — занималось рыболовством, торговлей, лесоразработками и добычей золота. Доходные статьи города намного превышали расходы на его содержание. Отсюда Россия выходила на прямые торговые контакты не только со странами тихоокеанского побережья, но и с Германией, Норвегией, Англией, Данией... Экономика Николаевска крепилась капиталом местных купцов, четырех иностранных торговых фирм, пяти собственных банков и обществом взаимного кредита, чей оборот в канун революции составлял более 50 миллионов золотых царских рублей.

Отряд Якова Тряпицына вышел из Хабаровска и при массовой поддержке крестьян из попутных деревень двинулся, стремительно наращивая темпы, к Николаевску, последнему оплоту белой армии в низовьях Амура. Авторы источников дружно отмечают железную дисциплину в отряде и эффективность тряпицынской разведки: командир прекрасно знал не только о состоянии боеготовности противника, но и был в курсе настроений защитников города. Расклад сил в городе был таков: среди русских военных гарнизона (примерно 150 чел.) царила бытовая неразбериха и потаенная паника, японцы (в составе гарнизона было 800—900 чел.) придерживались тенденции к замирению, китайцы собирались удобно устроиться между двух кресел, корейцы были решительно за Советы.

Красный отряд, обрастая по дороге добровольцами и мобилизованными, а заодно и легендами о своей пугающей многочисленности, неудержимо приближался к цели похода. Под Мариинском красные разгромили два белых отряда и, пополнившись за их счет, последовали за бегущими остатками подразделений противника в бухту Де-Кастри. Сохранился вахтенный журнал Клостер-Кампского маяка. Он интересен упоминаниями о разрушениях на маяке, которые производили белогвардейцы, чтобы техника и строения не достались красным партизанам: «17 января. Ночью по распоряжению начальника отряда (отряда белых. — **Прим. ред.**) сожжен лощманский дом, причем ветром огонь перенесло на склад, который и сгорел дотла со всем находящимся в нем имуществом и припасами»; «28 января. Вывезена вода из баков сирены во двор маяка. В сирене разобраны окна и двери. Отопление зданий прекращено»; «15 февраля. В разных местах подхода к маяку поставлено 8 бутылок, начиненных порохом и соединенных между собой попарно проволокой».

Разрушения, произведенные в Де-Кастри «для укрепления позиций», по сравнению с теми, которые сотворит в Николаевске Тряпицын, мизерны. Но он тоже не хотел чего-либо оставлять белым.

Когда партизаны заняли бухту Де-Кастри, солдаты подполковника И.Н. Вица перешли на сторону Тряпицына. Сам офицер счел делом чести застрелиться. Оставленное им письмо в очередной раз дает возможность еще раз правильно ответить на вопрос, с кем победивший пролетариат воевал в годы гражданской.

«Пусть знают и не смеют исказить причину моей смерти, — пишет подполковник, — я умираю не из-за трудности или за какую-нибудь провинность, нет, я чист и прав перед всеми, тверд и крепок духом, но не могу больше видеть и чувствовать гибель дорогой моей Родины. Доведите до сведения гражданина Тряпицына, что довольно ему и присным его морочить измученный русский народ, который они ведут по пути погибели...»

Далее, по Емельянову, события протекали так: «18 или 19 января оставшиеся в городе русские белые военные силы вместе с частью японского экспедиционного отряда под командованием майора Исикава при одной пушке и нескольких пулеметах выступили навстречу красным, продвигавшимся к городу. ... Для защиты Николаевска была организована дружина из интеллигенции, чиновников, владельцев и служащих торгово-промышленных предприятий, домовладельцев, вообще из лиц благонамеренных, — сообщает Емельянов. — Дружина состояла примерно из 300 человек. Из дружины был выделен особый отряд для разведок, человек 25—30. Японские граждане, жившие в Николаевске, были мобилизованы. С мобилизованными японские силы составляли примерно 800—900 человек».

Все обитатели Николаевска, белые и иностранные солдаты оказывали красному отряду довольно серьезное вооруженное сопротивление в течение двух недель.

В ночь с 6 на 7 февраля партизаны взяли военно-инженерное оборонительное сооружение на пути к Николаевску — крепость Чныррах. 10—12 февраля город обстреливали из орудия, разрушений не было. 20—21 февраля выпустили 150 снарядов, которые ложились в основном в незастроенные места города, на пустырях. Совершенно очевидно, что первоначально Тряпицын не намеревался превращать город в руины.

24 февраля японцы начали переговоры о мирной сдаче Николаевска. Тряпицын согласился на заморение. 28 февраля 1920 г. красные вошли в город и приступили к арестам русских дружинников — пособников белых и близких к ним по заранее составленным спискам. 11 марта в тюрьме было около 500 чел., в милиции — 80 и на гауптвахте — 50.

Однако в ночь на 12 марта против Тряпицына выступают японцы, и открываются репрессии уже в общегородском масштабе. Красный штаб во главе с раненым Тряпицыным после кровавой расправы над японской колонией принимает решение жителей эвакуировать, а город разрушить, чтобы не достался ни японцам, ни белой гвардии и вообще — «мировой буржуазии».

По словам Красикова, в Токио по случаю гибели японского отряда был объявлен национальный траур. А немного спустя японская армия, чьи части располагались уже во всех крупных населенных пунктах ДВР от Владивостока до берегов Байкала, открыто выступила против Советов. Начался второй виток гражданской войны, открывший путь к продолжению интервенции. Ссылками на николаевские события японцы оправдывали в глазах мировой общественности свое нападение в апреле 1920 г. на гарнизоны Владивостока, Хабаровска и других городов российской окраины. Разгром японцев в Николаевске политики Токио использовали для захвата Северного Сахалина, потребовав выплаты соответствующей контрибуции. Этот международный конфликт, считает Красиков, нанес немалый вред Дальневосточной республике и самой идее укрепления советской власти на Дальнем Востоке России.

Сказать, что Николаевский инцидент вызвал однозначное одобрение у красных, нельзя. С первых же дней массовых репрессий выявились протесты как сверху, так и снизу. Из Хабаровска потребовали в срочном порядке прекратить расправу над японцами. В Николаевском партизанском отряде Тряпицына и его сообщницу Нину заставили отчитаться в содеянном: партизанская вольница тогда вовсе не была сворой серых исполнителей и правоверных палачей. Парочка послушно предстала перед рассерженными своими, но и в ходе разборок Тряпицын сумел перехватить инициативу, указав пальцем на некоторых «гадов». И протест соратников был сведен на нет.

Вслед за тем видные городские большевики Артемьев, Будрин, его сын и Кононов были «уличены» Тряпицыным в тайной помощи японцам и тайной организации китайского отряда для сопротивления партизанам. Рабочие союзы разогнали по причине их якобы антисоветских устремлений.

Оставшееся население Николаевска обшивало, обстирывало и кормило партизан и надрывалось на принудработках, загружая камнями баржи для намеченного затопления фарватера Амура. Принудительные работы имели якобы оборонное назначение. Но поскольку город планировалось уничтожить, труды эти были лишены практического смысла.

В конце концов «сверху» настояли на ликвидации компрометирующей власть Советов режима «хромого диктатора». Тряпицын и члены его штаба были захвачены среди ночи на пароходе «Амгунец», скоропалительно приговорены и тут же расстреляны.

Когда я спрашивала у еще живущих приморских участников гражданской, как они относятся к николаевским событиям, бывшие партизаны пожимали плечами и говорили: «Война — она и есть война. Другое дело, что Тряпицын перестарался».

Долгое время. Но... что было — то было, и это тоже история нашей страны.

SUMMARY: The article of a journalist Eleonora Bondareva is called «Neither God, Nor Tsar and Not a Hero». It is about one of the participants of the Civil war that provoked different estimates of his activity — Ya. Tryapitsyn. Being an anarchist-communist, as he called himself, Tryapitsyn was notorious for his cruelty, blood crimes against peaceful population. Describing his life, the author of the article supposes that negative behavior of one or the other persons also belongs to the History.